

⁸ Богданович М. История царствования императора Александра I и Россия в его время. СПб., 1869. Т. 1. С. 97—98.

⁹ Гл.: ЦДГА у С.-Пецяярбурзе. Ф. 1341, воп. 9, спр. 1861, арк. 2—8.

¹⁰ ЦДАСА у Маскве. Ф. 16, спр. 898, арк. 63—64; Ф. 248, воп. 64, спр. 5639, арк. 82.

¹¹ ЦДГА РБ у Мінску. Ф. 333, воп. 1, спр. 85, арк. 4.

¹² ПСЗ-1. Т. XXX. № 23475.

¹³ Гл.: ЦДГА РБ у Мінску. Ф. 1297, воп. 1, спр. 1222.

¹⁴ Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. М., 1913. Т. 2. С. 343—344.

¹⁵ Вяземский П. А. Записные книжки (1813—1848). М., 1963. С. 103.

¹⁶ Гл.: ЦДГА у С.-Пецяярбурзе. Ф. 379, воп. 1, спр. 92, арк. 179—190; Н е у п о к о е в В. И. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1966 г. Таллин, 1971. Приложения, табл. IV, V, VII.

Е. Г. КОЛЬ

НЕОЛИБЕРАЛИЗМ В ПОЛИТИКЕ ВЕДУЩИХ БУРЖУАЗНЫХ ПАРТИЙ ФРАНЦИИ 80-Х гг.

В 70-е гг. по мере того, как под воздействием нового этапа НТР становилась все более очевидной тормозящая роль утвердившейся в послевоенное время в большинстве западных стран дирижистской модели регулирования, в массовом сознании Запада происходила ломка многих стереотипов, сформировавшихся под влиянием этатистской политики. В этих условиях политическое будущее как правых, так и левых партий во многом зависело от их способности разработать достаточно убедительную и реалистическую программу развития с учетом происходящих в обществе перемен. Решение этой задачи ставило многие «традиционные партии» перед необходимостью серьезного пересмотра их идеологических построений, требовало приведения партийных доктрин в соответствие с меняющимися реалиями.

Для ведущих буржуазных партий Франции (ОПР и СФД) проблема идеологического обновления была особенно актуальной. В отличие от большинства европейских стран во Франции проведение дирижистской политики было связано с деятельностью не левых, а правых партий, неизменно стоящих у власти с 1958 г. Поражение правых сил на выборах 1981 г. показало, что ОПР и СФД утратили то идейное и политическое преобладание, которое было свойственно буржуазным партиям с момента создания V Республики. В условиях традиционно сильного во Франции идеологического противостояния правых и левых сил модифицированная идеология была призвана восстановить доверие избирателей к правым партиям, закрепить за ними образ политической силы, единственно символизирующей обновление, процветание, прогресс.

Вслед за буржуазными партиями других развитых стран французские правые в поисках теоретической основы обновленной идеологии обращаются к теории экономического либерализма. Неолиберальные идеи, провозглашающие возврат к регулирующей силе рынка, к духу соревновательности и личной инициативы, получали на Западе растущее признание со стороны интеллектуальной и политической мысли по мере успехов правительств, положивших неолиберальные рецепты в основу своей антикризисной политики. Однако во Франции буржуазные партии позже, чем в других странах, обращаются к неолиберализму. Только оказавшись в положении оппозиции, когда политика перестала оказывать сильное давление на теоретическую мысль, ОПР и СФД приступили к пересмотру доктрин голлизма и жискардизма, сохранившихся в основе их программных документов вплоть до выборов 1981 г. На более позднее начало идеологического обновления правых партий оказало влияние и то, что массовое сознание Франции медленнее, чем в других странах, эволюционировало в сторону принятия неолиберальных ценностей. Наметившийся на рубеже 70—80-х годов поворот в этом направлении усилился только в 80-е годы по мере неудач политики «социалистического эксперимента», проводимой правительством левых сил в 1981—1982 гг. В 1985 г. 59 % французов считали, что либеральная политика сможет восстановить экономический рост, 48 — сократить безработицу, 45 % — увеличить покупательную способность¹. В том же направлении изменялись и представления основной массы членов и активистов ОПР и СФД. Проведенный в 1984 г. опрос делегатов съезда ОПР показал, что 84,5 % из них не одобряли регулирующей роли государства, 80 % высказывались за денационализацию предприятий, перешедших в руки государства после 1981 г., и только 15 % продолжали настаивать на необходимости решения проблемы социального нера-

венства². Эти перемены в настроениях членской базы позволили руководству ОПР в ходе обновления идеологии голлистского движения отойти от ряда основополагающих идей голлизма, не вызывая внутреннего кризиса в партии. Для СФД переход к неолиберализму был еще более легким делом, поскольку входящие в его состав партии традиционно высказывались в пользу рыночной экономики и среди членов союза практически не было сторонников дирижистских методов³.

Переход к неолиберализму был сопряжен для ОПР и СФД с трудностями иного рода. В теоретической мысли послевоенной Франции этатистские представления заняли доминирующее положение. Отсутствие развитой интеллектуальной традиции, на которую мог бы опереться неолиберализм, привело к тому, что теоретические разработки французских правых получили сильный отпечаток заимствованных идей неоконсервативных теоретиков англосаксонской школы⁴.

Вслед за буржуазными партиями других стран ОПР и СФД ставили под сомнение центральный компонент послевоенного реформизма — активную роль государства в процессе социально-экономического развития. Приводя многочисленные примеры неэффективности государственного вмешательства в экономику, ОПР и СФД настойчиво проводили мысль о том, что наилучшей формой организации экономической жизни является свободное рыночное хозяйство, избавленное от различного рода регламентаций, сдерживающих частнопредпринимательскую инициативу. ОПР и СФД принимали общую для всех неолиберальных сил теоретическую схему обеспечения динамичного экономического роста: расширение конкурентного сектора путем приватизации, ликвидации административных регламентаций в сфере производства, обмена и трудовых отношений, ослабление налогового пресса. В комплексе эти меры были призваны обеспечить рост предпринимательской активности, увеличение производственных инвестиций, модернизацию производства, гибкую приспособляемость предприятий к конъюнктуре рынка.

В основу социальных проектов ОПР и СФД был положен неолиберальный тезис, согласно которому рост жизненного уровня широких слоев населения должен достигаться не путем перераспределения доходов, а происходить на основе общего роста богатства нации в результате ускоренного экономического роста. Обе партии считали неприемлемым продолжение государственной политики выравнивания доходов и полной занятости, связывая с ее проведением падение предпринимательской активности и высокий уровень инфляции. ОПР и СФД высказывались за сокращение социальных расходов государства, требовали ограничения или даже ликвидации систем коллективной социальной защиты, порождающих, по их мнению, социальное иждивенчество и безответственность. Резкой критике французские правые подвергли профсоюзы, обвиняя их в корпоративном эгоизме, и противопоставили практике заключения коллективных договоров возврат к «контрактной политике» на уровне отдельных предприятий. Особенное место в социальных проектах ОПР и СФД отводилось идее «участия», понимаемой как создание системы «народного акционерства» и расширение представительства персонала в советах предприятий. Эти меры были рассчитаны на большую интегрированность широких слоев населения страны в существующую систему и снятие таким образом причин социальных конфликтов. Одновременно предлагаемые меры преследовали цель лишить левые партии их социальной базы, максимально ослабить профсоюзы, шире внедрять индивидуалистические нравственные ценности.

Одновременно с требованием ухода государства из социально-экономической сферы ОПР и СФД высказывались за усиление его репрессивных функций во внутривнутриполитической жизни. Обвиняя левых в том, что они своей политикой вызвали рост преступности, обе правые партии высказывались за увеличение штата полиции, расширение полномочий полицейских, требовали ужесточения законодательства, применения судьями верхних пределов наказаний. Особое место занимал вопрос об иммигрантах, приобретший для традиционных правых особую актуальность по мере роста популярности Национального фронта Ж.-М. Ле Пена. Не поддерживая требований лепенистов о высылке всех иммигрантов за пределы страны, ОПР и СФД в то же время считали их причастными к росту преступности и безработицы, утверждали, что иммигранты представляют угрозу национальному «тождеству» Франции.

Общность подходов, безусловно, не означала отсутствия расхождений в идеологических построениях французских правых. Однако теперь речь шла уже не о противостоянии в среде правых двух концепций развития, а о различных

модификациях одной — неолиберальной — модели. Расхождения касались прежде всего темпов и масштабов преобразований. Идеологию ОНР отличало стремление к быстрому и решительному разрыву с политикой послевоенного времени. Голлистская партия выступала за авторитарные методы преобразований, отстаивала жесткую позицию по отношению к профсоюзам, демонстрировала неприятие всего, что было связано с левыми силами. Одновременно ОНР широко пропагандировала такие ценности, как семья, родина, порядок, ответственность и др. Такая позиция партии обуславливалась стремлением ее лидера Ж. Ширака превратить ОНР в центр притяжения всего правого электората. Сочетание в идеологии ОНР модернистских и консервативных требований и было рассчитано на привлечение к голлистскому движению как центристских избирателей СФД, так и праворадикального электората Национального фронта.

Позицию СФД однозначно определить трудно, поскольку входящие в его состав партии никогда полностью не растворялись в рамках единой организации, осуществляя самостоятельный теоретический поиск. Тем не менее СФД не был идеологически расколотой партией. Неолиберальные идеи получили здесь широкое распространение, хотя степень приверженности его лидеров неолиберализму была различной. Сходный с предложениями ОНР радикальный вариант реформаторской политики выдвигала группа молодых политиков Республиканской партии, объединившихся вокруг ее генерального секретаря Ф. Леотара. Однако члены группы Леотара сохраняли верность «культурному либерализму», не принимая авторитарных лозунгов голлистов. Одновременно многие деятели СФД, в том числе и признанные лидеры союза Р. Барр и В. Жискара д'Эстен, не разделяли стремления радикалов покончить с любыми формами государственного регулирования, считая необходимым сохранить известную преемственность с реформистской политикой послевоенного времени, прежде всего в социальной сфере. Умеренные политики СФД, соглашаясь с необходимостью либеральных перемен, считали необходимым проводить преобразования постепенно, не нарушая макроэкономического равновесия и не вызывая напряженности в социальной сфере.

В целом в первой половине 80-х гг. в среде традиционных правых обозначились два течения, различающихся подходами к преобразованию общества на основе неолиберальной программы и не совпадающих полностью с какой-либо из партий правой оппозиции. Радикальное течение ограничилось принятием англосаксонской модели неолиберальной политики, апробированной правительствами Р. Рейгана и М. Тетчер, но недостаточно учитывающей французскую специфику. Сторонники умеренно-либерального течения склонялись к синтезу либерализма и реформизма по образцу «социального рыночного хозяйства».

Накануне парламентских выборов 1986 г. было очевидно, что ОНР и СФД использовали свое пребывание в оппозиции для серьезного пересмотра партийных доктрин. Обе партии отказались от этатистских представлений послевоенного времени, положив в основу партийных идеологий неолиберальные тезисы. Этот неоконсервативный поворот делал правый лагерь более однородным, и оформившийся в первой половине 80-х гг. союз ОНР и СФД «впервые с 1976 г. был не только электоральным»⁵. Идеологическое обновление было одной из причин нарастающего политического влияния буржуазных партий на протяжении первой половины 80-х гг. Правая оппозиция одержала победу на кантональных (1982 г.) и муниципальных (1983 г.) выборах, на выборах в Европарламент (1984 г.). Победа на парламентских выборах 1986 г. открыла перед правоцентристской коалицией ОНР—СФД возможность практической реализации разработанной ими программы неолиберальных преобразований. В случае успеха у буржуазных партий появлялся шанс еще более упрочить то политическое и идейное влияние, которое они приобрели за годы оппозиции. В этих условиях очень многое зависело от политического умения буржуазных государственных деятелей. Выборы 1988 г. показали, что большинство французов не приняло праворадикальный вариант неолиберальной политики правительства Ж. Ширака. В результате правые партии Франции вновь оказались в положении оппозиции, несмотря на то, что неолиберальная идеология продолжает оставаться доминирующей во французском обществе.

¹ См.: Casanova J.-C. // Express. 1985. № 1770. P. 15.

² См.: Brechon P., Derville J., Lecompte P. // Revue politique et parlementaire. 1987. An. 89. № 927. P. 27, 28.

³ См.: Y s m a l C. // Ibid. P. 30.

⁴ См.: Portelli H. // Ibid. 1988. An. 90. № 935. P. 25.

⁵ Y s m a l C. Les partis politiques sous la V Republique. Paris, 1989. P. 132.

М. С. КОРЗУН

ПРАВОСЛАВНО-СОЦИАЛЬНАЯ ДОКТРИНА И «СЕНТЕНЦИЯ» Е. И. ПУГАЧЕВУ

В летопись крестьянского движения, руководимого Е. И. Пугачевым, за более чем 200-летнюю историю внесли вклад многие маститые историки. Свою лепту внес в нее не только великий А. С. Пушкин, но и мало кому известный священник Д. Бобровский, который в 1878 г. опубликовал найденное им «Увещание» вятского епископа Варфоломея. История Крестьянской войны 1773—1775 гг. и сегодня не перестает привлекать внимание исследователей.

Эта гражданская война, если называть ее современным термином, выдвинула на первый план самый насущный вопрос — отмену крепостного права, которого объективно требовало экономическое развитие России. Однако такого взгляда придерживаются не все историки. Одни считают, что к 60-м гг. XVIII в. капиталистические элементы в промышленности и на транспорте приобрели базисное значение, в буржуазном направлении эволюционировало и сельское хозяйство. Другие отмечают лишь зачатки капиталистического уклада. В любом случае с изменением экономических отношений изменялось и общественное сознание.

Формировавшаяся идеология Крестьянской войны противостояла идеологии «просвещенного абсолютизма», которая оправдывала феодальные порядки. Хотя буржуазные производственные отношения расширяли социальную свободу человека по сравнению с крепостничеством, но одновременно они увеличивали норму эксплуатации экономическими методами. При этом сохранялась и феодально-крепостническая эксплуатация в виде закрепощения государством части наемных рабочих, приписки крестьян к предприятиям. Все это вызвало необходимость усиления религиозно-психологического воздействия на верующих. Учитывая реалии российской действительности, Екатерина II допускала известную веротерпимость, но только под эгидой православия. Религиозное освящение деятельности властей уже не могло обходиться методами статьи Уложения 1649 г., которая предусматривала сожжение богохульника.

Государственное православие и церковь стали одним из важнейших элементов идеологии «просвещенного абсолютизма». В данной статье характеризуется государственно-православная социальная доктрина в узком значении — как религиозное освящение абсолютизма Екатерины II. Она основана на православии как особой ветви христианства, но не тождественна религии.

Учитель наследника престола Павла I, московский митрополит Платон (П. Е. Левшин, 1737—1812) осознавал разницу между защитой никонианского, официального, православия от нехристианских религий и освящением власти царя. Об этом достаточно убедительно говорит даже название его труда, опубликованного перед Крестьянской войной: «Православное учение или сокращенная христианская богословия для употребления его императорского высочества пресветлаго всероссийскаго наследника благовернаго государя цесаревича и великаго князя Павла Петровича» (Спб., 1765). Наш вывод подтверждается также и названием книги Иеронима Бигнона в переводе ключаря Большого Успенского собора Петра Алексеева: «Истинное благочестие христианское доказано против безбожников, язычников, жидов и магометан» (М., 1768). Посвящение книги Екатерине II П. Алексеевым — это панегирик императрице: «Вашему Императорскому Величеству, истиннаго божества истинной наместнице... Бога человекам невозможно видити, но живой образ Божий на земли в Тебе, Великая Екатерина!» Казанский архиепископ Вениамин по-своему интерпретировал новозаветный постулат о том, что «существующие власти от бога установлены» (Римл., 13, 1). Увещание архиепископа было получено в Оренбурге 7 апреля 1774 г.: «И потому нанесенныя царю, яко Господню помазаннику, обиды, от самого бога учредившаго власть сию на земли, вместо себе, наказываемы бывают яко собственные его лицу причиненные»¹. Российские богословы обожествили Екатерину II почти так же, как католики папу римского — викария Иисуса Христа,